Исторический вестник. 2021. Т. XXXVIII
DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.001

С.П. Брюн

ФРАНКИ «ЗАМОРСКОЙ ЗЕМЛИ» И ИХ ЗАПАДНЫЕ СОБРАТЬЯ:

История конфликта на примере римской экспансии в княжестве Антиохийском и графстве Триполи (1230–1280-е гг.).

В историографии Крестовых походов одной из фундаментальных тем остается история политического и культурного противостояния между западными крестоносцами и теми «франками», кто был рожден — часто от смешанных браков — в государствах «Заморской земли» (Outremer), созданных после Первого Крестового похода. Тема этого противостояния появляется еще в труде «отца историографии Крестовых походов» Ж.-Ф. Мишо и развивается в последующем корпусе трудов, от Шлюмберже и Куглера до классической «Истории Крестовых походов» сэра Стивена Рансимена и плеяды современных исследований и публикаций (как научных, так и научно-популярных)[1]. Идея политического и культурного противостояния рожденных на Востоке (и следовательно — в той или иной степени инкорпорированных в жизнь ближневосточного региона) франков «Заморской земли» и полукро-

[1] *Michaud J.-F.* Histoire des Croisades (Istoriya krestovyh pohodov). Moscow: Astrel', 2013; *Schlumberger G.* Renaud de Châtillon — Prince D'Antioche, Seigneur de la Terre D'Outre-Jourdain. Paris, 1898; *Kugler B.* The History of the Crusades (Istoriya krestovyh pohodov). Moscow: Feniks, 1996; *Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. I–III. Cambridge, 1951–1954.

Иллюстрация к «Истории крестовых походов» Ж.-Ф. Мишо. Худ. Гюстав Доре

вок «пулланов» с чуждыми Леванту западными крестоносцами/пилигримами, прибывавшими для войны с «неверными», кажется вполне естественной и безусловно имеет под собой определенные основания. Источниковой базой для развития данной проблематики стал корпус латинских и старофранцузских текстов, сохранивших следы презрительного отношения западных крестоносцев и авторов к франкам «Заморской земли» (Outremer). Жак де Витри, став епископом Акры, не жалел чернил, порицая нравы своей левантийской паствы, т.е. франков Латинского Востока, особо сосредоточиваясь на погрязших в восточных нравах и роскоши «пулланах», т.е. полукровках: «вскормленные в наслаждениях, мягкие и женоподобные, привыкшие к баням более, чем к битвам, преданные всякой нечистоте и роскоши, носили, подобно женщинам, волнующееся одеяние и были украшены, как храмы»[2]. Можно вспомнить и то, как характеризуют Балиана Ибелина, сира Наблуса и «защитника Иерусалима» (возглавлявшего героическую оборону Святого Града от армии Салах ад-Дина осенью 1187 г.) западные авто-

[2] Iacobi de Vitriaco libri duo, quorum prior Orientalis sive Hierosolymitanae, alter Occidentalis Historiae nomine inscribuntur. Douai, 1597. C. 73. P. 134.

ры: Амбруаз приводит особо яркую аллюзию, говоря, что старый барон был «лживее черта»[3]. Однако при всем богатстве материала и внешней «стройности» концепта о противостоянии крестоносцев «первого поколения» и рожденных на Востоке франков необходимо четко разделять культурные противоречия и противостояния политических элит.

С точки зрения культурного противоречия (и даже противостояния) необходимо отрешиться от полемической и морализаторской риторики средневековых западных авторов (Жака де Витри и других) и обратиться к разностороннему своду свидетельств о материальной культуре и политической жизни Латинского Востока. В первую очередь следует разбить миф о большей терпимости левантийских франков к восточнохристианскому и мусульманскому населению Ближнего Востока. Когда угасли первые эксцессы завоеваний, основы для жизнеспособного взаимодействия с восточнохристианским и мусульманским населением были заложены крестоносцами первого поколения — Балдуином I, Балдуином II де Бурком, Боэмундом I, Танкредом, Раймондом Тулузским, позднее — Ги де Лузиньяном (на Кипре). И именно на данном этапе устанавливались новые нормы, становившиеся своеобразным «культурным прорывом» для уроженцев Франции XI в.: первые смешанные браки государей[4], принятие на службу восточных христиан и даже мусульман[5], отращивание бород[6] и принятие различных восточных элементов костюма и быта[7].

Между тем история Латинского Востока знает множество примеров, когда франки «Заморской земли» оказывались гораздо менее вос-

---

[3] *Ambroise*. L'Estoire de la Guerre Sainte. Paris, 1897. P. 426.

[4] Речь идет о браках Балдуина I, Балдуина II де Бурка и Жослена I де Куртенэ с армянскими княжнами.

[5] Единственные попытки принять на службу «сарацин», на условиях несколько адаптированной формы вассалитета, были связаны с «крестоносцами первого поколения»: Балдуином I Эдесским, принявшим на службу тюркского эмира Бальдука, правителя города Сарудж (1098 г.), а также с Раймондом де Пуатье, принявшим в свое войско сирийских ассасин и их предводителя — Али ибн Вафу (1148–1149 гг.).

[6] История о том, как Балдуин II де Бурк отпустил бороду, а затем заложил ее, выманивая деньги у тестя — куропалата Гавриила, властителя Мелитены, стала одним из канонических анекдотов в истории Латинского Востока. См.: *Guillaume de Tyr.* Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // RHC Occ. I. Paris, 1844.

[7] О том, как предшественник де Бурка на престоле Эдессы — Балдуин I — принял восточные облачения и церемониал, подробно (и несколько поэтизированно) пишет Гвиберт Ножанский. См.: *Guiberti Abbatis.* Gesta Dei per Francos // RHC Occ. IV. Paris, 1879. P. 254–255. Подробнее по теме см.: *Ciggaar K.N.* The Adaptation of Oriental Life by Rulers in and around Antioch. Examples and Exempla // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. Leuven, 2006.

приимчивыми или менее терпимыми к культуре и народам Леванта, нежели крестоносцы «первого поколения». Раймонд II, первый из графов Триполийских, рожденных и воспитанных на Востоке, устроил в 1137 г. беспрецедентную бойню восточнохристианского (православного) населения Аль-Куры, заподозрив своих подданых-сириан в измене и выдаче отца — сарацинам[8]. Генрих I де Лузиньян, третий король Кипра (в третьем поколении бывший «левантийским франком»), санкционировал череду репрессий против православной церкви, в то время как первые франкские правители острова — крестоносцы «первого поколения» Ги и Амори де Лузиньяны — впервые в истории Латинского Востока гарантировали православным полную независимость от притязаний латинской иерархии[9]. Король Армении Филипп (у которого в роду последним крестоносцем «первого поколения» был его прадед — Раймонд де Пуатье) вызвал ярость у своих армянских подданных, когда отказался отращивать бороду и — щеголяя по западной раннеготической моде — всячески принижал армян и их традиции, восхваляя франков[10]. Освоение арабского языка среди латинян восточного Средиземноморья также было весьма неравномерным: оно варьировалось не только от личности к личности, но и от анклава к анклаву внутри достаточно сжатого региона. К примеру, отдельные представители знати франкской знати «Заморской земли» — такие как Рено II де Гранье, сир Сидона — проявляли интерес к изучению арабского языка и литературы[11], однако массовый переход на арабский язык франки совершили лишь в Триполи (где Жак де Витри, по его собственным словам, вынужден был принимать исповедь у латинских христиан с переводчиком, поскольку «язык той земли — сарацинский»)[12].

Все это указывает на то, что культурные различия между христианами латинского Запада и франками «Заморской земли» отнюдь не составляли сколь-либо монолитной основы для конфликта. Более того, между латиня-

---

8 Об этой кампании подробно повествуют как Гильом Тирский, так и Ибн аль-Каланиси. См.: *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIV. C. 23. P. 630; *Gibb G.* The Damascus Chronicles of the Crusaders (Damasskie hroniki krestonoscev). Moscow: Centrpoligraf, 2009. C. 172–173.

9 *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States: A Secular Church. London, 1980. P. 317–318; *Hill G.* A History of Cyprus. Vol. II. Cambridge, 2010. P. 87–88.

10 *Bournoutian, A.A.* Cilician Armenia // Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol I. New York, 2004. P. 285.

11 *Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. II. Cambridge, 1952. P. 319.

12 *Barber M., Bate K., ed.* & trans. Letters from the East. Crusaders, Pilgrims and Settlers in the 12th–13th centuries. Ashgate, 2010. № 57. P. 106.

нами Запада существовал колоссальный комплекс языковых, культурных и региональных различий. К примеру, жители Бургундии или Пуату воспринимали Нормандию или Бретань как далекие и во многом чуждые им земли, а их жителей — отнюдь не как своих «соотечественников» или соплеменников; среди плеяды итальянских городов или германских земель подобные разделения были еще более существенными. К тому же в традиционном для западной средневековой литературы порицании «роскоши» и «женоподобия» жителей Востока не стоит усматривать нечто, прямо коррелирующее с реальностью — подобные риторические штампы не исчезали несмотря на череду поражений, понесенных от ромеев или сарацин, и ни в коей мере не препятствовали стремлению латинян к адаптации различных элементов восточной культуры: монументального, станкового и декоративно-прикладного искусства, элементов костюма и быта, форм государственного управления, уклада городской жизни (не стоит забывать о том, что франкоязычная аристократия массово соприкоснулась с ценностью городской жизни благодаря городам Леванта, а не северной Италии). Следовательно, в конфликте между прибывавшими в Левант латинянами и франками «Заморской земли» следует прежде всего усмотреть не некое «культурное» противостояние, но политическое противостояние элит, борьбу между знатью Сирии и Палестины с прибывавшими и претендовавшими на политическую инициативу или освобождавшиеся земли феодальными аристократами Западной Европы.

Данное противостояние усложнялось тем обстоятельством, что Латинский Восток напрямую зависел от людских и материальных ресурсов Запада: от пилигримов и сержантов до высококвалифицированных зодчих и военных инженеров (возводивших такие прославленные твердыни, как Маркаб, Саон и Крак де Шевалье), от заготовок железа и стали до оружия и боевых коней[13]. Проблема возникала, когда прибывавшие с Запада «вооруженные паломники» отказывались играть роль послушного орудия в руках местных государей и знати. И если военно-монашеские ордены смогли разработать систему инкорпорирования внешних (западных) ресурсов в весьма эффективную систему, отвечавшую их интересам в Сирии и Палестине, то при попытке секулярной знати договориться о совместных действиях с западными крестоносцами разгоралась типичная для феодального мира борьба за

[13] *Smail R.C.* Crusading warfare, 1097–1193. Cambridge, 1995. Passim; *Marshall C.* Warfare in the Latin East., 1192–1291. Cambridge, 1996. Passim; *Nicolle D., Hook C.* The Knight of Outremer. 1187–1344 // Osprey Military. Warrior Series. London, 1996.

«первенство чести» и хаотичное отстаивание собственных прав и привилегий. Ярким примером подобного конфликта служит осада Дамаска армией королей Конрада III, Людовика VII Молодого и Балдуина III Иерусалимского (в 1148 г.), когда контингенты палестинских франков фактически саботировали осаду, узнав, что город должен отойти не их королевству, но графу Тьерри Фландрскому. О том, что иерусалимское рыцарство — узнав, что Дамаск обещан графу Фландрии — впало в апатию и отказалось прилагать какие-либо усилия для осады, прямо пишет левантийский франк, архиепископ Гильом Тирский[14]. Однако «апофеозом» рассматриваемого противостояния принято считать историю борьбы за иерусалимский престол и кратковременного утверждения на Святой земле династии Лузиньянов (в 1180-х), завершившейся падением первого Иерусалимского королевства и завоеваниями Салах ад-Дина. Бытовавшие с XIX в. представления о борьбе якобы искавших мира с мусульманами левантийских франков (партией Раймонда III Триполийского и Ибелинов) с западными, жаждавшими войны крестоносцами (партией Лузиньянов и Рено де Шатильона), представления, кочевавшие из книги Мишо в работы Рансимена, Виймара и многих других авторов[15]), были весьма убедительно опровергнуты Бернардом Гамильтоном в его монографии «Прокаженный король и его наследники»[16]. Гамильтон вполне убедительно указал на то, что Салах ад-Дин не оставил бы королевству Иерусалимскому шанса избежать войны и что в борьбе за королевский престол два противоборствующих лагеря никак не могут быть сведены к «западной» и «восточной» партиям (так как на стороне братьев Лузиньянов и Рено де Шатильона выступали половина королевской семьи, сенешаль королевства Жослен III Эдесский, а также князь Боэмунд III Антиохийский). Учитывая, что братья-пуатевинцы Ги и Амори де Лузиньян были обязаны своим утверждением в Иерусалиме королевской семье, «эдесскому» клану де Куртенэ, Рено де Шатильону и князю Антиохийскому, история их борьбы за власть крайне слабо походит на «западный десант» в Леванте.

Между тем в истории Латинского Востока был прецедент, когда консолидированная, осознающая свою территориальную общность,

---

[14] *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XVII. C. 7.

[15] *Michaud J.-F.* Op. cit. Passim; *Runciman S.* Op. cit. Vol. II. Passim; *Willemart P.* Les Croisades. Mythe et realite de la guerre sainte. (Krestovye pohody. Mif i real'nost' Svyashchennoj vojny). Saint Petersburg: Evraziya, 2006.

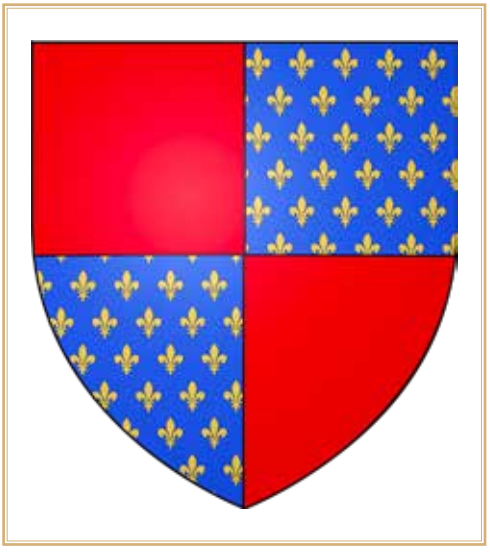
[16] *Hamilton B.* The Leper King and his Heirs: King Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. Cambridge, 2000.

скованная родственными узами группировка западной аристократии предприняла относительно успешную попытку утвердиться в Леванте, что привело к пролонгированному и кровопролитному конфликту с местной знатью. Речь идет об истории утверждения и пребывания в пределах княжества Антиохийского и графства Триполийского влиятельной партии римских нобилей. Эта «римская экспансия» началась в 1230-х гг. и продолжалась вплоть до 1280-х гг., прервавшись незадолго до окончательного падения двух государств (фактически существовавших как единая общность, на условиях личной унии, под властью сирийской ветви Рамнульфидов, династии де Пуатье). Начало экспансии римлян было положено благодаря династическому браку между князем Боэмундом V и Люсьен де Сеньи, девушки из знатного римского рода графов Сеньи, семьи, давшей миру трех понтификов. Заключенный в 1235 г. брак между Боэмундом V и Люсьен был призван прежде всего нормализовать весьма турбулентные отношения между Апостольским престолом и княжеским домом де Пуатье. Напомним, что дед и отец Боэмунда V неоднократно подпадали под отлучение от церкви и даже вели открытые войны против латинской Церкви в Леванте[17].

Весьма неординарная идея урегулирования отношений с Римом — не через череду политических уступок, но через династический брак, оче-

[17] Дед указанного князя — Боэмунд III Заика — дважды подпадал под отлучение от церкви, первый раз в 1165 г. за восстановление в городе православного патриарха, второй раз — в 1180 г., когда незаконно расторг брак со своей второй женой Феодорой Комниной и вступил в открытую войну с латинским патриархом Амори де Лиможем. Эта война продолжалась на протяжении года и разделила баронов княжества Антиохийского. Подробнее см.: *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States... P. 46–47; *Hamilton B.* Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (c.1142–1196), and the Unity of the Churches // East and West in the Crusades States. Context — Contacts — Confrontations. Vol. II. Leuven, 1999. *Stone M.E., Kedar B.Z.* A Notice about Patriarch Aimery of Antioch in an Armenian Colophon // Apocrypha, Pseudepigrapha and Armenian Studies: Collected Papers. Vol. II. Leuven, 2006.

Отец Боэмунда V — князь Боэмунд IV Одноглазый — провел большую часть своего правления, находясь под отлучением от Римской церкви. В отличие от отца, он в 1206 г. восстановил в Антиохии православный Патриархат без всякого внешнего давления со стороны Ромейской державы (которой на тот момент уже не существовало), а исходя из собственных политических расчетов. Помимо этого, на совести этого князя были казнь латинского патриарха Антиохийского Петра I Ангулемского (1208 г.) и многолетняя война с орденом госпитальеров. Окончательное примирение между князем и Римской церковью состоялось за несколько месяцев до его смерти, в 1233 г. Подробнее см.: *Brun S.P.* The Churches of the East before the Crusader Lord of Outremer: Bohemond IV the One-Eyed and the Christians of the Levant. [Cerkvi Vostoka pred krestonosnym pravitelem Zamorskoj zemli: knyaz' Boemund IV Odnoglazyj i hristiane Levanta // Istoricheskij vestnik]. 2017. T. 20. C. 58–81.



Герб княжеского дома де Пуатье (сирийских Рамнульфидов) после 1252 г. — слева.
Герб графов де Сеньи — справа

видно, принадлежала самому Боэмунду V или его приближенным. В любом случае, инициатива исходила от княжеского двора и приняла форму официального обращения Боэмунда V к папе Григорию IX[18]. Понтифик благосклонно отнесся к просьбе князя Антиохии-Триполи: в качестве невесты Боэмунду V была предложена Люсьен де Сеньи (де Каккамо-Сеньи), дочь графа Павла де Сеньи — одного из наиболее знатных аристократов Рима и Папской области. К роду Сеньи принадлежали папа Иннокентий III (которому Люсьен приходилась внучатой племянницей), а также папа Григорий IX (который был Люсьен двоюродным дядей), а также позднее взошедший на кафедру папа Александр IV. Для Боэмунда V это был второй брак. Первый брак — с Алисой Шампанской, вдовствующей королевой Кипра — был заключен еще до восшествия Боэмунда V на престол — в 1222 г. Устроенный отцом Боэмунда V (князем Боэмундом IV Одноглазым) брак продлился всего два года (1225–1227 гг.) и был аннулирован. Официальным поводом стало близкое родство супругов, однако по сохранившимся источникам создается впечатление, что достаточно пассивный Боэмунд V показался неподобающей партией для крайне деятельной и амбициозной Алисы, пытавшейся утвердить свою власть над королевствами Кипра и Иерусалима. Между тем помолвка Боэмунда V и Люсьен была заключена в отсутствие князя (которого, очевидно, представляло посольство) в Риме, при непосредственном участии папы Гри-

[18] *Runciman S.* Op. cit. Vol. III. P. 207.

гория IX на исходе 1234 г. На заре 1235 г. Люсьен прибыла в Триполи, где и был заключен ее брак с князем Боэмундом V[19]. На рубеже 1235–1236 гг. Люсьен родила Боэмунду V первого ребенка — дочь Плайсанс, позднее ставшую в 1250 г. королевой Кипра (в качестве супруги Генриха I и матери Гуго II). В 1237 г. родился их второй ребенок — Боэмунд VI Красивый, будущий князь Антиохийский и граф Триполи.

Брак Люсьен и Боэмунда V действительно привел не только к примирению, но и к сближению между княжеским домом и Римской курией. В 1244 г. (очевидно, предвидя или не исключая конфликтов с местной церковной иерархией и военно-монашескими орденами) Боэмунд V добился от папы Иннокентия IV привилегии, согласно которой князя Антиохии-Триполи мог отлучить лишь римский понтифик[20]. Однако эта привилегия была позднее отозвана: сын Боэмунда V — Боэмунд VI Красивый — был отлучен папским легатом Фомой Агни в 1260 г. за подчинение монголам[21], а внук — Боэмунд VII — в 1278 г. Павлом де Сеньи за нападение княжеских войск[22]. Между тем в 1235–1252 гг. княгиня Люсьен стала вызывать все большее негодование со стороны местной франко-сирийской знати, поскольку она привлекала к берегам Сирии значительное число представителей римской знати, которым предоставлялись и государственные посты, и фьефы, и пребенды. Приток римлян, вероятно, начался еще при жизни Боэмунда V, однако именно после смерти князя наметился первый открытый конфликт между франко-сирийской знатью и сородичами княгини Люсьен. Первой проблемой стало усиление римлян в Антиохии. В рассматриваемый период — с момента смерти крайне деятельного отца («Одноглазого князя») Боэмунд V предпочитал оставаться в своей южной столице — Триполи, оставляя Антиохию и ее земли (с которыми не было прямого сухопутного сообщения по христианским землям) под управлением коммуны и наместников. Это, вполне естественно, стало приводить к постепенному упадку города[23].

---

19 Подробнее о первом и втором браках Боэмунда V см.: L'Estoire de Eracles Empereur et la conqueste de la terre d'Outremer // RHC Occ. II. Paris, 1859. P. 408.

20 *Berger E., ed.* Registres d'Innocent IV. Vol. I. Paris, 1884–1921. № 418. P. 75.

21 *Delaborde H.F.* Lettre des Chrétiens de Terre-Sainte à Charles d'Anjou, 22 avril 1260 // Revue L'Orient Latin. Vol. II. Paris, 1894. P. 213.

22 Подробнее об этом будет сказано ниже.

23 Подробнее о Боэмунде V и его правлении в Антиохии см.: *Brun S.P.* The Byzantines and the Franks in Antioch, Syria and Cilicia. 11th–13th centuries. The History of the Interaction between Latin and Byzantine Christians on the Eastern Frontier (Romei i franki v Antiohii, Sirii i Kilikii XI–XIII vv. K kul'turnomu soprikosnoveniyu latinskih i vizantijskih hristian na rubezhah Vostoka). Moscow, Maska, 2015. Vol. II, C. 418–422.

После смерти Боэмунда V в январе 1252 г. княгиня Люсьен (принявшая регентство от имени несовершеннолетнего сына Боэмунда VI) и ее приближенные впервые заявили о себе как о господствующей силе в Антиохии и Триполи. К моменту смерти князя, или же сразу после кончины Боэмунда V, княгиня Люсьен передала управление над Антиохией наместникам, отобранным из числа прибывшей с ней в Сирию римской знати. Все это привело к ропоту как со стороны коммуны, знати и населения Антиохии, так и со стороны несовершеннолетнего Боэмунда VI (которому шел шестнадцатый год и которого от восшествия на престол отделяло лишь несколько месяцев). В том же 1252 г., опираясь на недовольные элементы в Триполи и Антиохии (и используя бедственное положение последнего города в качестве аргумента), 15-летний князь Боэмунд VI прибыл в лагерь к королю Франции Людовику IX Святому (стоявшему во главе войск Седьмого Крестового похода в Яффе), с прямой жалобой на мать и с просьбой передать престол ему досрочно, не дожидаясь совершеннолетия. Боэмунд VI произвел крайне положительное впечатление на короля Франции. Видимо, этому способствовал как облик юноши (наряду с королем Франции Филиппом IV, князь Боэмунд VI оказался единственным латинским государем XIII–XIV вв., получившим прозвище «Красивый»), так и искренность — а также резонность — требований юного потомка дома де Пуатье. В знак своего благоволения и поддержки Боэмунда VI Красивого Людовик IX Святой лично посвятил его в рыцари и пошел на невиданную доселе милость: позволил князю Антиохии-Триполи разделить свой герб: отныне чистое алое поле князей Антиохийских соседствовало с лазоревым полем, покрытым золотыми лилиями королей Франции[24].

Однако воцарение Боэмунда VI Красивого, вопреки ожиданиям, не привело ни к отстранению от власти княгини Люсьен, ни к ослаблению римской партии при княжеском дворе. Княгиня Люсьен лишилась регентства, но осталась при дворе, как и ее римские сородичи и земляки. Неясно также, были ли отозваны римские бальи из Антиохии. Так или иначе, у Антиохии, которая была после завоеваний Салах ад-Дина фактически сведена к положению города-государства, было гораздо меньше возможностей к активному протесту или сопротивлению, чем у жителей графства Триполийского — сохранивших и свои территории, и ресурсы. В 1258 г., всего через шесть лет после своего воцарения,

[24] *Жан де Жуанвиль*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб.: Евразия, 2007. С. 124; L'Estoire Eracles... P. 440.

князь Боэмунд VI столкнулся с открытым восстанием своих триполийских вассалов, протестовавших против засилья римлян при дворе. Во главе восстания встали Бертран де Эмбриацо, сир Гибелета (Библа), и Жан де Пуатье, сир Ботрона (представитель младшей сирийской ветви Рамнульфидов, ближайший родственник князя). Армия мятежных баронов подошла к стенам Триполи, где разгорелось полевое сражение с княжескими войсками. Боэмунд VI встретился в бою с Бертраном, однако было ранен; и раненый князь, и его войска отступили и укрылись за стенами Триполи, осада которого была начата армией восставших. Осажденный князь пошел на отчаянный шаг, призвав на помощь своего тестя — короля Армении Хетума I[25]. Вскоре в гавань Триполи вошли корабли, на борту которых находился как сам король Армении со свитой, так и контингент из его рыцарей и воинов. Это была первая в своем роде интервенция со стороны короля Армении в Триполи. При посредничестве короля Армении Боэмунд VI Красивый примирился со своими вассалами. Однако вскоре, проезжая через свои владения, Бертран был убит в одной из деревень группой сириан (т.е. мелькитов), которые доставили его голову в дар Боэмунду VI Красивому[26]. Обернувшееся поражением восстание, очевидно, укрепило князя Боэмунда VI в недоверии к триполийским баронам и в решимости опираться как на поддержку короля Армении, так и на римлян, продолжавших усиливать свои позиции в Сирии. Не позднее 1261 г., спустя всего три года после триполийской междоусобицы, на кафедру Триполи — при прямой поддержке папы Урбана IV — был возведен францисканец Павел де Сеньи, младший брат княгини Люсьен[27]. Его приезд совпал с кончиной Люсьен (точная дата смерти княгини не известна, однако более чем уместно предположение, что она сыграла роль в поставлении брата на кафедру города, которым правили ее муж и сын). С утверждением на триполийской кафедре епископ Павел стал во главе римской партии, которая продолжила усиливаться за счет притока новых знатных римлян, связанных с кланом де Сеньи.

---

25 Les gestes des Chiprois. Geneva, 1887. P. 158–159.

26 При получении головы своего вассала и противника — Бертрана Эмбриацо князь Боэмунд VI испытал, по словам Тирского Тамплиера, «великую радость» («en ot grant joie & les paia moût bien»). Les gestes de Chiprois... P. 159.

27 *Guiraud J., ed.* Les registres d'Urbain IV (1261–1264): recueil des bulles de ce pape publiées ou analysées d'après les manuscrits originaux du Vatican. Paris, 1901. №10. Вопрос о датировке восшествия Павла де Сеньи на триполийскую кафедру см.: *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States... P. 236.

Последующий период был ознаменован чередой катастроф: поражение монголов в битве у Айн-Джалут (1261 г.), начало разорительных мамлюкских вторжений на христианские земли (с 1262 г.), падение и уничтожение Антиохии (1268 г.), первые разорения киликийских и ливанских территорий. Все это усиливало внутреннее противостояние на территории графства Триполийского. К моменту смерти князя Боэмунда VI Красивого в 1275 г. во главе римской партии оставался епископ Павел Триполийский, а во главе недовольной римлянами франко-сирийской партии — вдовствующая княгиня Сибилла (дочь короля Хетума I) и Варфоломей, епископ Тортосы (Тартуса). Сибилла отправила своего несовершеннолетнего сына и наследника престола — Боэмунда VII — ко двору своего брата, короля Левона II Хетумида, который и посвятил юного князя в рыцари[28].

Став регентшей (в период почти двухлетнего отсутствия несовершеннолетнего Боэмунда VII), княгиня Сибилла передала фактическое управление княжеством епископу Варфоломею Тортосскому. Прежде чем взойти на кафедру Тортосы, Варфоломей был архидиаконом Антиохии и одним из немногих латинян, переживших осаду и уничтожение населения мамлюками (в 1268 г.). С отбытием в Италию латинского патриарха Опицо дель Фиеччи (в 1264 г.) Варфоломей принял пост патриаршего викария и местоблюстителя, которым оставался до конца жизни. Таким образом в Триполи, теперь уже единственной столице все уменьшавшегося под ударами мамлюков государства сирийских Рамнульфидов (княжеского дома де Пуатье), началось прямое противостояние между римской и франко-сирийской знатью: во главе первой стоял епископ города, двоюродный дед князя Боэмунда VII, а вторую возглавлял епископ Тортосы, бывший также патриаршим наместником (т.е. с канонической точки зрения — непосредственным начальством для епископа Павла де Сеньи), а также фактическим регентом княжества и приближенным вдовствующей княгини Сибиллы (матери Боэмунда VII)[29]. Павел де Сеньи столкнулся с противником, который превосходил его как иерархически, так и в масштабах доверенной ему светской власти[30], а также в близости и милости со стороны княжеской семьи (членом которой, в отличие от Павла, епископ Варфоломей не являлся).

---

[28] О том, что Боэмунд VII был посвящен в рыцари «рукой короля Армении, своего дяди», писали старофранцузские хронисты. См.: L'Estoire de Eracles ... P. 466–467; Les gestes des Chiprois... P. 202.

[29] L'Estoire de Eracles... P. 466; Les gestes Chiprois... P. 202.

[30] *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States... P. 237.

При этом оба епископа были связаны с орденом тамплиеров: епископ Павел принадлежал к ордену на правах полубрата (confrater), а епископ Варфоломей занимал кафедру в городе, который был сеньорией ордена. Однако как показало последующее развитие событий, епископ Павел пользовался безоговорочной поддержкой ордена и его магистра — Гильома де Боже, а епископ Варфоломей (поскольку и он, и его князь находились в состоянии прямой военной конфронтации с орденом) не мог в определенные периоды даже появляться в своей епархии, оставаясь в Триполи.

Отношения двух епископов и их сторонников быстро привели к открытым столкновениям между их сторонниками, причем роль агрессора принадлежала епископу Варфоломею и франко-сирийской партии. В первый же год принятия Варфоломеем регентства в Триполи разразился масштабный антиримский погром. Представители триполийского бюргерства и нобилитета обрушились на дома и имущество не только пребывавших в столице римлян, но и непосредственно на собственность, слуг и домочадцев епископа Павла. В числе убитых восставшей и направляемой епископом Варфоломеем толпой были не только слуги и бюргеры, но и несколько знатных римских рыцарей. Сам епископ Павел бежал вместе со своей личной и с епархиальной казной в триполийский Тампль[31]. Павел де Сеньи провел в триполийском Тампле более двух лет, оставаясь на осажденном положении в собственной епархии. Прибытие из Сиса в Триполи Боэмунда VII (в 1277 г.) не привело к отстранению Варфоломея; напротив, молодой князь и епископ Тортосы начали действовать совместно, преследуя римлян и епископа Павла де Сеньи. Между тем молодой князь Боэмунд VII, желая укрепить свое положение среди франко-сирийской аристократии и населения Триполи (а также, вероятно, взиравший на добычу от подобных кампаний как на законное средство пополнения собственной казны), инициировал новое нападение на имущество своего двоюродного деда. В 1277 г. княжеские войска атаковали триполийский Тампль, бросив под стражу ряд приверженцев и слуг епископа Павла и конфисковав его казну; сам епископ должен был бежать из своего кафедрального града, предварительно наложив интердикт на своего внучатого племянника и его сторонников. Однако епископ Варфоломей Тортосский, пользуясь правами патриаршего викария, немедленно снял интердикт с Боэмунда VII. Для примирения епископа Павла де Сеньи и князя Боэмунда VII в Трипо-

[31] L'Estoire de Eracles... P. 468–469.

ли прибыли магистр ордена госпитальеров Николай Лорнье и Рожер де Сан-Северино, бальи королевства Иерусалимского (наместник Карла I Анжуйского). Переговоры, прошедшие в 1278 г., привели лишь к кратковременной нормализации положения[32].

Уже в 1279 г. епископ Павел де Сеньи счел за лучшее покинуть Триполи и искать дальнейшего заступничества при папском дворе. Епископ Павел жаловался не столько на Боэмунда VII, сколько на епископа Варфоломея; официальным поводом для разбирательства стало снятие патриаршим местоблюстителем интердикта, наложенного епископом Триполи на князя и его сторонников во время последней атаки на триполийский Тампль в 1279 г. Папа Николай III призвал епископа Варфоломея, однако тот успешно откладывал свой визит в Рим на протяжении шести (!) лет. Он дождался не только кончины папы Николая III и избрания нового понтифика — Мартина IV, но и смерти своего оппонента — епископа Павла, скончавшегося в Риме в 1284 г. Когда в 1285 г. епископ Варфоломей Тортосский наконец прибыл в Рим, папа Мартин IV счел за лучшее снять обвинения, что ознаменовало внеочередную политическую победу франко-сирийского архиерея с родом де Сеньи и римлянами, присутствие которых в княжестве Антиохии-Триполи было фактически сведено на нет[33]. Однако эта внутреннеполитическая победа над римлянами и кланом де Сеньи, которой сирийские франки пытались добиться с 1250-х гг., не принесла ожидаемых результатов ни для епископа Варфоломея, ни для жителей Триполи. Спустя два года после оправдания епископа Варфоломея в Риме армия мамлюкского султана Калауна взяла Латакию (1287 г.), последнюю остававшуюся в руках христиан часть княжества Антиохийского. В том же году скоропостижно скончался Боэмунд VII.

Авторитарные действия Варфоломея и непомерные амбиции этого епископа вызвали острое неприятие франко-сирийской знати, интересам которой он прежде способствовал, уничтожая партию Павла де Сеньи и преследуя римлян. О его амбиции свидетельствует как тот факт, что на ранней стадии своего регентства он отказал (!) королю Гуго III Кипрскому, когда тот предложил поддержку и опеку сво-

---

[32] *Gay J., Vitte S., ed.* Les Registres de Nicholas III. Paris, 1898. № 520; *Delaville le Roulx J., ed.* Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint Jean de Jérusalem (1100–1311). Paris, 1894. № 3673.

[33] О папском решении см.: *Olivier-Martin F.* Les registres de Martin IV (1281–1285). Paris, 1901. № 556. Подробнее о разбирательстве в Риме см.: *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States... P. 238–239.

ему двоюродному племяннику Боэмунду VII[34], так и то, что он, пытаясь устроить брак своего племянника и ввязавшись в конфликт с одним из представителей рода Эмбриако, влиятельнейшей династии графства Триполийского, втянул в открытую войну своего князя; в итоге эта война продолжалась с перерывами четыре года (1278–1282 гг.) и привела не только к победе княжеской партии, но и к изощренной казни глав рода Эмбриако — братьев Ги II, Жана и Балдуина, закопанных по горло в замке Нефин и заморенных голодом[35]. Когда, после смерти Боэмунда VII, княгиня Сибилла вновь предложила его в качестве бальи и регента княжества, в Триполи вспыхнуло новое восстание, на этот раз объединившее и горожан, и местную знать. Восставшими была провозглашена Триполийская коммуна, принявшая власть на землях княжеского домена и низложившая династию Рамнульфидов (де Пуатье). Последние полтора года в истории этого государства крестоносцев были проведены в борьбе и переговорах между Люсией де Пуатье — сестрой Боэмунда VII, заявившей о своих правах на престол, и Триполийской коммуной, возглавляемой Варфоломеем Эмбриако. Примирение между Люсией и Триполийской коммуной состоялось лишь к осени 1288 г., когда сестра покойного Боэмунда VII наконец смогла утвердиться на престоле. Однако уже следующей весной — в апреле 1289 г. — Триполи был взят и уничтожен армией султана Калауна, положившего конец этому государству крестоносцев[36].

История пребывания римлян в государстве сирийских Рамнульфидов (княжестве Антиохийском и графстве Триполи) охватила почти полувековой период, с 1235 по 1284 г. Историю утверждения римлян и укрепления их положения в Антиохии и Триполи можно связать с четырьмя этапами, каждый из которых был прямо связан с дипломатическими успехами клана де Сеньи (княгиней Люсьен и ее братом — епископом Павлом):

---

[34] L'Estoire de Eracles... P. 466; *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States... P. 237.

[35] Les gestes de Chiprois... P. 212–213; *Röhricht R., ed.* Regesta Regni Hierosolymitani. Innsbruck, 1893. № 1444. P. 376–377. Подробнее о войне см.: *Runciman S.* Op. cit. Vol. III. P. 388–389.

[36] О провозглашении Триполийской коммуны, борьбы Люсии за престол и последнем, двухлетнем периоде истории графства Триполи см. (с указанием источников и литературы): *Runciman S.* Op. cit. Vol. III. P. 405–407; *Brun S.P.* The Byzantines and the Franks in Antioch, Syria and Cilicia. T. II. C. 524–541. О падении и уничтожении Триполи см. также: *Панченко К.А.* Падение Триполи 1289 г. в восприятии христианских общин Ближнего Востока // Исторический вестник. 2020. Т. 31. С. 136–159.

1235 г. — Брак князя Боэмунда V и Люсьен де Сеньи.

1252 г. — Смерть князя Боэмунда V, регентство княгини Люсьен и утверждение римских бальи в Антиохии.

1252–1258 гг. — Примирение княгини Люсьен с ее сыном, князем Боэмундом VI Красивым, дальнейшее укрепление положения римлян, междоусобная война с недовольными «римским засильем» триполийскими баронами (которые в силу интервенции короля Армении и гибели своего предводителя Бертрана Эмбриако не смогли добиться победы).

1261 г. — Возведение на Триполийскую кафедру епископа Павла де Сеньи (брата Люсьен), ставшего после кончины сестры главой римской партии и инициировавшего приток новой волны римлян на сиро-ливанское побережье.

«Маркерами» прогрессирующей реакции сирийских франков на засилье римлян и римской знати следует считать нижеследующие события:

1252 г. — Жалоба юного Боэмунда VI Красивого, поддержанного населением и знатью Антиохии на регентство Люсьен де Сеньи и римских бальи, обращенная к королю Людовику IX Святому.

1258 г. — Восстание триполийских баронов, во главе с Бертраном Эмбриако и Жаном де Пуатье против князя Боэмунда VI Красивого, поводом для которого стало недовольство римским окружением князя и его матери — вдовствующей княгини Люсьен.

1275 г. — Смерть князя Боэмунда VI и назначение епископа Варфоломея Тортосского княжеским бальи (регентом). «Резня римлян» в Триполи, инициированная епископом Варфоломеем и его сторонниками. Бегство епископа Павла де Сеньи в триполийский Тампль.

1277 г. — Утверждение князя Боэмунда VII на престоле. Второй антиримский погром, инициированный сторонниками Боэмунда VII и епископа Варфоломея. Нападение на триполийский Тампль, ставший пристанищем епископа Павла де Сеньи.

1279 г. — Отбытие Павла де Сеньи в Рим.

1282 г. — Отказ папы Мартина IV от идеи привлечения епископа Варфоломея Тортосского к ответственности за посягательства на жизнь и имущество епископа Павла де Сеньи и знатных римлян Триполи.

В триполийской реакции против римлян, как и в антиохийской реакции против господства армян, можно проследить зачатки консолидации разнородного населения Латинского Востока против «внешних» угроз, однако это была именно консолидация территориальных (феодально-аристократической и городской) элит в борьбе за жизненное пространство и устоявшиеся экономические интересы. Именно по-

следние давали импульс к объединению разнородного латинского и восточнохристианского населения таких городов, как Антиохия или Триполи, в борьбе с мусульманскими завоевателями и «чуждыми», претендовавшими на экспансию христианскими группировками (армянами в Антиохии, римлянами в Антиохии и Триполи). Однако эти «всходы» территориальной консолидации пали жертвой продолжавшимся феодальным междоусобицам и наступлению мамлюкских завоевателей, уничтоживших сам культурный ландшафт Латинского Востока. Тем более стоит учитывать, что формировавшаяся и в силу мамлюкского геноцида не получившая возможность для окончательного оформления в качестве этноса или субэтноса общность левантийских франков существовала в регионе, предрасположенном к этноконфессиональному разделению. Достаточно указать на то, что по сей день территории и население Ливана являются разделенными по этноконфессиональному признаку, и принадлежность к конфессии перевешивает любые попытки выработать объединяющую «ливанскую» или секулярную «панарабскую» идентичность.

REFERENCES

1. *Ambroise.* L'Estoire de la Guerre Sainte. Paris, 1897.
2. *Barber M., Bate K., ed. & trans.* Letters from the East. Crusaders, Pilgrims and Settlers in the 12th–13th centuries. Ashgate, 2010.
3. *Berger E., ed.* Registres d'Innocent IV. Vol. I. Paris, 1884–1921.
4. *Bournoutian A.A.* Cilician Armenia // Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I. New York, 2004.
5. *Brun S.P.* The Byzantines and the Franks in Antioch, Syria and Cilicia. 11th–13th centuries. The History of the Interaction between Latin and Byzantine Christians on the Eastern Frontier [Romei i franki v Antiohii, Sirii i Kilikii XI–XIII vv. K kul'turnomu soprikosnoveniyu latinskih i vizantijskih hristian na rubezhah Vostoka]. Moscow, 2015.
6. *Brun S.P.* The Churches of the East before the Crusader Lord of Outremer: Bohemond IV the One-Eyed and the Christians of the Levant [Cerkvi Vostoka pred krestonosnym pravitelem Zamorskoj zemli: knyaz' Boemund IV Odnoglazyj i hristiane Levanta // Istoricheskij vestnik]. 2017. Vol. 20.
7. *Ciggaar K.N.* The Adaptation of Oriental Life by Rulers in and around Antioch. Examples and Exempla // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. Leuven, 2006.
8. *Delaborde H.F.* Lettre des Chrétiens de Terre-Sainte à Charles d'Anjou, 22 avril 1260 // Revue L'Orient Latin. Vol. II. Paris, 1894.
9. *Delaville le Roulx J., ed.* Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint Jean de Jérusalem (1100–1311). Paris, 1894.
10. *Gay J., Vitte S., ed.* Les Registres de Nicholas III. Paris, 1898.
11. *Gibb G.* The Damascus Chronicles of the Crusaders (Damasskie hroniki krestonoscev). Moscow: Centrpoligraf, 2009.
12. *Guiberti Abbatis.* Gesta Dei per Francos // RHC Occ. IV. Paris, 1879.
13. *Guillaume de Tyr.* Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // RHC Occ. I. Paris, 1844.
14. *Guiraud J., ed.* Les registres d'Urbain IV (1261–1264): recueil des bulles de ce pape publiées ou analysées d'après les manuscrits originaux du Vatican. Paris, 1901.
15. *Hamilton B.* Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (P. 1142–1196), and the Unity of the Churches // East and West in the Crusades States. Context — Contacts — Confrontations. Vol. II. Leuven, 1999.
16. *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States: A Secular Church. London, 1980.

17. *Hamilton B.* The Leper King and his Heirs: King Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. Cambridge, 2000.
18. *Hill G.* A History of Cyprus. Vol. II. Cambridge, 2010.
19. Iacobi de Vitriaco libri duo, quorum prior Orientalis sive Hierosolymitanae, alter Occidentalis Historiae nomine inscribuntur. Douai, 1597.
20. *Jean de Joinville.* The Life of Saint Louis [Kniga blagochestivyh rechenij i dobryh deyanij nashego svyatogo korolya Lyudovika]. Saint Petersburg: Evraziya, 2007.
21. *Kugler B.* The History of the Crusades (Istoriya krestovyh pohodov). Moscow: Feniks, 1996.
22. Les gestes des Chiprois. Geneva, 1887.
23. L'Estoire de Eracles Empereur et la conqueste de la terre d'Outremer // RHC Occ. II. Paris, 1859.
24. *Marshall C.* Warfare in the Latin East. 1192–1291. Cambridge, 1996.
25. *Michaud J.-F.* Histoire des Croisades (Istoriya krestovyh pohodov). Moscow: Astrel', 2013.
26. *Nicolle D., Hook C.* The Knight of Outremer. 1187–1344 // Osprey Military. Warrior Series. London, 1996.
27. *Olivier-Martin F.* Les registres de Martin IV (1281–1285). Paris, 1901.
28. *Panchenko K.A.* The Fall of Tripoli (1289) through the eyes of Christian communities in the Middle East [Padenie Tripoli 1289 g. v vospriyatii hristianskih obshchin Blizhnego Vostoka // Istoricheskij vestnik]. 2020. Vol. 31.
29. *Röhricht R., ed.* Regesta Regni Hierosolymitani. Innsbruck, 1893.
30. *Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. I–III. Cambridge, 1951–1954.
31. *Schlumberger G.* Renaud de Châtillon — Prince D'Antioche, Seigneur de la Terre D'Outre-Jourdain. Paris, 1898.
32. *Smail R.C.* Crusading warfare, 1097–1193. Cambridge, 1995.
33. *Stone M.E., Kedar B.Z.* A Notice about Patriarch Aimery of Antioch in an Armenian Colophon // Apocrypha, Pseudepigrapha and Armenian Studies: Collected Papers. Vol. II. Leuven, 2006.
34. *Willemart P.* Les Croisades. Mythe et realite de la guerre sainte [Krestovye pohody. Mif i real'nost' Svyashchennoj vojny]. Saint Petersburg: Evraziya, 2006.

Ключевые слова:

Крестовые походы, Латинский Восток, франки «Заморской земли», княжество Антиохийское, графство Триполийское, Рим, Папская область, Боэмунд V, Боэмунд VI, Боэмунд VII, Люсьен де Сеньи, Варфоломей Тортосский.

Sergei P. Brun

THE FRANKS OF OUTREMER AND THEIR WESTERN BRETHREN:

Examining the conflict through roman expansion in the Principality of Antioch and County of Tripoli (1230's–1280's)

The article deals with one of the main themes and concepts in the historiography of the Crusades — the conflict between the western, «first generation» Crusaders and pilgrims with the Franks of Outremer, those who were born and knew no home outside of the Middle East. The author critically examines the perception of the conflict in the 19th–21st century historiography, and proceeds with a study of the 50-year period of Roman aristocratic expansion in the Principality of Antioch and County of Tripoli (made possible through the marriage of Prince Bohemond V with the Roman noblewoman Lucien de Segni). This expansion — unlike the infamous clash between the Lusignan brothers and the Palestinian nobility in the 1180's — was perhaps the purest manifestation of the conflict between consolidated western expansion and the local Levantine elites in the Crusader States.

Key words: Crusades, the Latin East, the Franks of Outremer, the Principality of Antioch, the County of Tripoli, Rome, the Papal State, Bohemond V, Bohemond VI, Bohemond VII, Lucienne de Segni, Bartholomew of Tortosa.

Sergei P. Brun — Russian historian and publicist, research fellow in the Moscow Kremlin Museums (Department of Middle Eastern art in the Armory Chamber).

Брюн Сергей Павлович

научный сотрудник сектора искусства Ближнего Востока
Оружейной палаты Музеев Московского Кремля